

УДК 930(043.3)

В. Н. Сергеев, ассистент (БГТУ)

К ВОПРОСУ О СТАТУСЕ КОНЦЕПТА «ИСТОРИЧЕСКАЯ РЕКОНСТРУКЦИЯ»

Статья посвящена детальному рассмотрению такого фундаментального понятия науки о прошлом, как «историческая реконструкция». Исследуется структура указанного феномена и выделяются такие его необходимые составляющие, как аксиоматика и гипотетика. Особое внимание уделяется взаимодействию этих элементов в процессе исторического исследования, а также тому вызову, который был брошен традиционному пониманию исторической реконструкции в связи с увеличением роли междисциплинарности в современной исторической науке. Рассматривается характер данного вызова и те проблемные области, которые он породил.

The article provides the detailed analysis of one of the fundamental concepts of sciences investigating the past, the «historical reconstruction». The structure of this phenomenon is investigated, and its necessary components, axiomatics and hypothetics, are described. Special attention is paid to the interrelation of these components in the processes of historical studies, and to the challenge for the traditional interpretation of historical reconstruction, resulting from increasing role of interdisciplinary studies in history. The nature of this challenge and the problem areas, caused by it, are considered.

Введение. Основной задачей публикации является обозначение сущности идеи исторической реконструкции, ее составляющих и артикуляция тех областей описываемого феномена, которые сегодня можно считать проблемными. Главная мысль работы заключается в том, что традиционное, устоявшееся понимание исторической реконструкции подвергается на современном этапе серьезным испытаниям, что в дальнейшем может привести к ее трансформации.

Основная часть. Смысл идеи исторической реконструкции заключается в том, что, применяя различные методологические процедуры, историк нацелен на восстановление прошлого в его изначальном виде. Иными словами, построения историка в значительной мере должны соответствовать прошлому. Идею реконструкции мы можем понимать, как минимум, двояко.

1. *Реконструкция как идеал* – раскрытие большинства основных параметров прошлого. Этот идеал поддерживается установкой на инвариантный, непроцессуальный характер прошлого (оно уже случилось и измениться не может). Однако логика развития исторической науки подсказывает, что усложнение методологии и гносеологии ведет к диверсификации исследований, дроблению предмета, т. е. речь идет о парадоксе – чем больше усложняется и совершенствуется историческая наука, тем дальше она от идеала реконструкции.

2. *Реконструкция как элемент исторического объяснения.* Речь идет о том, что некое теоретическое построение, аргументированное фактурой, может претендовать на «финальное» объяснение определенной проблемной области истории. Качество реконструкции может тогда оцениваться через критерий рефлексии – чем меньше рефлексия над соответствующей тема-

тикой и аргументацией, тем более завершена реконструкция.

Сложности на пути реконструкции уже давно являются предметом рассмотрения историков-методологов. Например, А. Я. Гуревич отметил, что для исторической науки традиционен такой подход: «Под объектом принято подразумевать внеположный нашему сознанию фрагмент мира. Это историческое прошлое, “каким оно, собственно, было”... Восстановить картину того фрагмента прошлого, который мы исследуем, во всей полноте и бесконечном многообразии, во всех его бесчисленных связях и переплетениях нам не дано. То, что мы, историки, изучаем, есть именно предмет» [1]. Он же подчеркивает, что «историческая реконструкция есть конструкция историка, он возводит ее из сложного сплава сообщений источников и собственных представлений об историческом процессе» [2, с. 437].

Особенно рельефно данная проблема проявляется в вопросе об объективности построенной исторической науки. Невозможность непосредственного взаимодействия историка и исследуемого им объекта может вызвать сомнения в объективности исторического знания. Многие историки вынуждены констатировать двойственное положение собственной науки. Этот факт демонстрируют, например, А. Нысанбаев [3], А. Я. Гуревич [1], Е. Топольский [4], В. А. и С. В. Любичанковские [5] и другие, которые, с одной стороны, говорят о том, что история имеет право претендовать на объективность, а с другой – не могут избежать оговорки о роли личности историка в воссоздании прошлого. Столь явное противоречие лишь подчеркивает неоднозначность концепта «историческая реконструкция» в современной науке.

В самом упрощенном виде **процесс построения реконструкции** базируется на взаи-

модействии двух полюсов – *исторической аксиоматики* и *исторической гипотетики*.

1. К **аксиоматике** можно отнести набор тех посылок, которые историком в процессе исследования воспринимаются как сами собой разумеющиеся, не подлежащие сомнению. Более того, сами по себе эти посылки историком, как правило, критически не разбираются, а иногда находятся как бы за пределами видимости. Наиболее очевидными составляющими аксиоматики являются, во-первых, те познавательные установки, которые диктуются историку научной традицией, парадигмой, в рамках которой он находится. Сюда входят общие представления о том, что такое история, каковы ее движущие силы, в чем суть исторического процесса и т. д. В большинстве прикладных исторических исследований эти вопросы лежат вне рамок научной рефлексии. Они выступают как опора для исследователя в изучении конкретной темы. Например, для сторонников марксистской традиции история представляет вполне определенный процесс с известными смыслом и целями. Для последователей психоистории прошлое преломляется иным образом и т. д.

2. Второй элемент исторической аксиоматики – та сумма фактов, которой оперирует историческая наука. И если мы не говорим об открытии принципиально новых событий, правомерность очень многих известных науке фактов тоже под сомнение не ставится.

Таким образом, аксиоматикой является то, что историк в процессе своего исследования не «видит», но то, на что он опирается и из чего исходит как из отправной точки.

Вторым элементом, присутствующим в процессе исторической реконструкции событий, является **набор гипотез и предположений**. Приступая к изучению предмета, историк выдвигает гипотезы, удостоверяет их фактами. Он использует набор методов и т. д. Один из ведущих мотивов всей деятельности историка – претензия на то, что его исследование является достаточно точным воспроизведением того, каким на самом деле была изучаемая им часть прошлого. Речь идет о **репрезентации** (понимаемой как отражение) прошлого в исторической реконструкции. В противном случае исследование теряет всякий смысл.

В процессе создания реконструкции гипотетическая часть постепенно утрачивает свой сослагательный статус, поскольку научные предположения либо отбрасываются как неподтвержденные, либо, наоборот, обретают роль удостоверенного знания, непротиворечащего аксиоматике, и в дальнейшем могут перейти в ряд аксиом. Таким образом, появляется **историческая реконструкция как результат**.

Следует подчеркнуть, что до сравнительно недавнего времени историческая реконструкция вообще не являлась научной проблемой. Она фактически сама была аксиомой любого исследования. Да и в настоящее время ситуация изменилась не столь значительно, несмотря на появление многообразия подходов, противоречащих «традиционному».

Традиционное (т. н. «позитивистское») понимание реконструкции основано на той идее, что объект исследования полностью внеполноценен историку, это тем более легко удостоверяться, если вспомнить, что любой историк разминаясь со своим предметом на десятки и сотни лет. Историк смотрит на объект со стороны и воспроизводит его, насколько хватает способностей, знаний и методов. Корректность построенной регулируется принципами верификации и фальсификации. И на наш взгляд, такой подход к исследованию все еще доминирует в белорусской гуманитарной науке, пусть и не процветает. Сложно согласиться с точкой зрения, что такой подход к историческому познанию наивен и уже себя изжил. Все еще нельзя говорить о существовании более-менее серьезного корпуса текстов, исследований, которые изначально исходили бы из других позиций и формировали бы альтернативную историографическую базу.

С середины XIX в. был всецело поставлен вопрос о степени участия историка в создании реконструкции в роли едва ли не субъекта исторического процесса, т. е. параметра, который может исторический процесс изменять и влиять на него. И этот вопрос будет актуальным еще очень долго. Не вдаваясь в конкретику, подчеркнем, что сумма точек зрения по этому поводу колеблется по своеобразной шкале, на одном полюсе которой находится «историк как человек, живущий в современном контексте, реконструирует прошлое, не реплицируя, а дублируя его, насколько можно близко к оригиналу», а на другом – «историк реконструирует не прошлое, а сводит воедино сумму упоминания и оценки этого прошлого в документах и источниках».

Именно в том случае, если мы становимся на вторую позицию, которую разделяют представители т. н. теории исторического нарратива, интеллектуальной истории и т. п., мы способны всецело поставить под сомнение существующую идею исторической реконструкции, причем за счет того, что, в отличие от всех других ранее упомянутых точек зрения, всецело посягает уже на историческую аксиоматику. И не ограничивается областью исторической гипотетики, как это было ранее, когда под вопрос могла ставиться степень соответствия реконструкции и самого прошлого. Теперь же речь идет о критике основных составляющих

аксиоматики – познавательных установок, на которые историк изначально опирается, статуса категории «исторический факт» и др.

Что касается *познавательных установок* историка, то они, как утверждается, полностью диктуются современным контекстом, т. е. не являются более-менее универсальными и неизменными во времени, они во-многом идеологизированы, т. е. абсолютно зависимы от текущей общественной ситуации. Основой для критики универсальности познавательных предпосылок гуманитарного знания (в т. ч. исторического) стала модификация категории «репрезентация».

В рамках исторической науки понимание репрезентации на данный момент перестало быть однозначным. Под постмодернистским влиянием понимание репрезентации модернизируется и происходит постепенное усвоение идеи *различения*. Прежде всего, приведено высказывание нарратора Ф. Анкерсмита: «Репрезентация вновь *делает присутствующим*... объект, который *отсутствует*», – констатирует он. И далее: «Историческое повествование делает то же самое: оно выступает заменителем... отсутствующего прошлого» [6, с. 9]. Соответственно, «(историческое) повествование можно понять только в рамках логики репрезентации» [Там же]. То есть, применительно к историческому повествованию, понимаемому как репрезентация, акцент переносится с *presentatio* (представления) на его «повторность» (приставка *re-*). И на этой основе нередко кажутся убедительными идеи Х. Уайта и других представителей «интеллектуальной истории» о том, что история есть прежде всего повествование историка, выстроенное в соответствии с определенными лингвистическими фигурами (тропами), а не отражение самой сути прошлого. Как подчеркивает Х. Уайт, историк завершает историю, собирает ее из аморфных событий [7, с. 27]. Репрезентация в соответствии с постмодернистскими идеями осмысливается теперь не через призму категории «тождества» (прошлого и реконструкции), а в рамках понятия «различия». Получает также дальнейшее развитие и возводится в принцип идея непрозрачности источника [8].

Сомнения в (традиционно понимаемой) репрезентативности гуманитарного знания прямо способствовали и критике еще одной важнейшей составляющей аксиоматики исторической реконструкции – понятия «*исторический факт*». С целью демонстрации нетождественности прошлого и реконструкции особый акцент был сделан на различении «историческое событие»/ «исторический факт» (терминология может быть и иной, в дальнейшем мы опираемся на понимание Х. Уайта [7]).

С точки зрения «классической» истории историческое событие и исторический факт различаются мало. Событие – нечто произошедшее в истории, факт – знание историка об этом, причем степень соответствия факта событию расценивается как высокая, особенно в случае корректного применения методологии исследования. С учетом этого речь идет о возможности осуществления исторической реконструкции. Однако подобная установка, с позиций постнеклассических течений выглядит весьма уязвимой для критики. Аспект, на который мы должны в этой связи обратить внимание, заключается в следующем: идея *реконструкции* зачастую выступает не столько как категория гносеологии, сколько как *онтологическая категория*.

Проиллюстрировать данный аспект можно на основе различения «*онтология / эпистемология*» в истории, хотя предложенную дифференцию можно назвать естественной для большинства наук. Ведь считается, что исследование направлено на познание реальности в ее «чистом» виде.

Как отмечает Е. А. Мамчур, в историческом познании критерием научности принято считать степень совпадения научных конструкций с реальным миром [9]. И в данном случае у исторического познания по определению могут быть сложности, поскольку оно начинается с ощущения необходимости реконструировать то, что уже *было*. В этой ситуации сложно избежать предпосылки научного поиска, которая исходит из того, что уже *до изучения* объекту присущи все его свойства. Как выразился И. Д. Ковальченко, «все, что было в прошлом, уже совершилось и поэтому является *инвариантным*» [10, с. 238].

Трудности возникают тогда, когда историческая теория при поддержке методологии «сливается» с исторической онтологией. Ж. Ревель характеризует подобную ситуацию следующим образом: «Все больше и больше проявлялась тенденция принимать гипотезы, с которыми, по существу, имели дело историки, за реальные объекты» [11, с. 238]. Тем самым историческая эпистемология подменялась исторической онтологией. На наш взгляд, данный путь практически закономерен в случае с любой методологией в силу наличия в любой научной сфере т. н. «дисциплинарных онтологий» (В. Степин) [12]. Последние, с одной стороны, основываются на приписывании реальности некоторых свойств, а с другой – выступают в качестве контекста исследования той же реальности.

Подобное положение дел с очевидностью вытекает из репрезентационистского подхода к «действительности вообще» и из идеи репре-

зентации-отражения. Одной из причин подобной ситуации является тот факт, что в ходе исследований осуществляется проекция актуального понимания объективной действительности в прошлое, причем в двойном смысле. В первых, историческим персонажам приписывается аналогичное преломление действительности (они репрезентируют «свою» действительность так же как историк, актуальную ему), а во-вторых, исторической реальности приписываются свойства, аналогичные актуальной. Соответственно, реализация принципа историзма (познание «тех» условий) может быть существенно аналогичной познанию актуальных общественных условий. Как отмечает Л. П. Репина, «умозаключения историков обычно идут от результата события, от следствия к причинам ... что создает впечатление неизбежности, жесткой детерминированности, запрограммированности этого результата» [13, с. 89]. Особенно четко это прослеживается в описанном случае слияния эпистемологии и онтологии. Теория в таком случае выступает уже готовой моделью исторических условий, в результате чего формируется «ретроспективная каузация».

В таком случае нередко происходит уравнивание способа и инструментов объяснения с предметом объяснения (в стиле высказываний о том, что исторический процесс *и есть* противостояние социальных групп).

Заключение. Вывод из этого скорее плачевен для исторической реконструкции и выглядит следующим образом: «Историк способен лишь свести воедино сумму упоминаний и оценок неких событий, упомянутых в документах. При этом предпосылки, определяющие научную позицию и совокупность методов, диктуются той актуальной, не обязательно политической идеологией, которую он исповедует. Чем в таком случае построения историка-социалиста Иванова ценнее для науки, чем работы историка-либерала Сидорова или историка-клерикала Петрова». С позиций такого подхода очевидно, что ничем, т. е. никто из данных историков не ближе к истине, чем любой другой. Однако и данный вывод не является однозначным, поскольку не дает ответов на ряд важных вопросов исторического познания, один из которых заключается в следующем: «Если истории как науки быть не может, то почему она существует?».

Литература

1. Гуревич, А. Я. Территория историка / А. Я. Гуревич // История – нескончаемый спор. Медиевистика и скандинавистика: статьи разных лет. – М.: РГГУ, 2005. – С. 562–600.
2. Гуревич, А. Я. О кризисе современной исторической науки / А. Я. Гуревич // История –

нескончаемый спор. Медиевистика и скандинавистика: статьи разных лет. – М.: РГГУ, 2005. – С. 427–455.

3. Нысанбаев, А. Проблема объективности в историческом познании / А. Нысанбаев // Ин-т истории и этнологии им. Ч. Ч. Валиханова [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.unesco.kz/kazhistory/indexnews.php?subaction=showfull&id=1101716841&archive=&start_from=&ucat=3&. – Дата доступа: 13.04.2005.

4. Топольский, Е. Исторические источники и подход историков к исторической реальности / Е. Топольский // Проблемы исторического познания. – М.: Наука, 1999. – С. 24–30.

5. Любичанковский, В. А. Принцип объективности в историографическом анализе / В. А. Любичанковский, С. В. Любичанковский // CREDO NEW: теоретический журнал [Электронный ресурс]. – 2004. – № 1. – Режим доступа: <http://www.credonew.ru>. – Дата доступа: 02.07.2005.

6. Анкерсмит, Ф. Р. Нарративная логика. Семантический анализ языка историков / Ф. Р. Анкерсмит. – М.: Идея-Пресс, 2003. – 360 с.

7. Уайт, Х. Метаистория: историческое воображение в Европе XIX века / Х. Уайт; пер. с англ. Е. Г. Трубиной, В. В. Харитоновой. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2002. – 528 с.

8. Гуревич, А. Я. «Новая историческая наука» во Франции: достижения и трудности: критические заметки медиевиста / А. Я. Гуревич // История – нескончаемый спор. Медиевистика и скандинавистика: статьи разных лет. – М.: РГГУ, 2005. – С. 185–222.

9. Мамчур, Е. А. Релятивизм в трактовке научного знания и критерии научной рациональности / Е. А. Мамчур // Философия науки [Электронный ресурс]. – М.: ИФРАН, 1999. – Вып. 5. – Режим доступа: <http://www.philosophy.ru/iphras/library/phnauk5/mamchur.htm>. – Дата доступа: 12.04.2006.

10. Ковальченко, И. Д. Методы исторического исследования / И. Д. Ковальченко. – 2-е изд., доп. – М.: Наука, 2003. – 486 с.

11. Ревель, Ж. Микроисторический анализ и конструирование социального / Ж. Ревель // Одиссей. Человек в истории / Рос. АН, Ин-т всеобщ. истории. – М.: Coda, 1996. – С. 110–127.

12. Степин, В. С. Теоретическое знание / В. С. Степин // Кафедра философии и методологии науки Киевского нац. ун-та им. Шевченко [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.philsci.univ.kiev.ua/biblio/stepin.html>. – Дата доступа: 03.11.2005.

13. Репина, Л. П. Социальная история в историографии XX столетия: курс лекций / Л. П. Репина. – М.: ИВИРАН, 2001. – 128 с.

Поступила 02.04.2010